

О «ЗОЛОТОЙ МАСКЕ»

И АССОЦИАЦИИ КРИТИКОВ, КОТОРОЙ ПОКА НЕТ, НО КОТОРАЯ, ВИДИМО, БУДЕТ

ДЕРЖИТЕСЬ, ТОВАРИЩ КАЛЯГИН!*

Скромные попытки Министерства культуры РФ и Союза театральных деятелей реформировать театральную премию «Золотая маска» (частично поменяли состав экспертного совета) привели к беспрецедентному шуму и, можно сказать, бунту. Нет, шумели не режиссеры, не актеры и не публика – о попрании своих прав к небу возопили «критики». Правда, два режиссера к ним примкнули – К. Серебренников и К. Богомолов.

Они заявили: недопустима унижительная ситуация, в которой их творчество судят недостойные члены вновь сформированного экспертного совета. Ведь там есть несколько фигур, не испытывающих неземного блаженства от спектаклей Серебренникова и Богомолова! Новый совет приступит к работе только в 2016 г.

Глава Союза театральных деятелей А.А. Калягин был настолько изумлен, что выступил с публичным увещательным письмом, в котором призвал новаторов смирить гордыню. Не помогло. В соцсетях поднялась буря, в СТД полетели письма от «критиков», недовольных скромными (я бы даже сказала – робкими) попытками СТД и Минкульта реформировать «Золотую маску», и, наконец, сто критиков решили создать собственный союз. Ассоциацию театральных критиков. Для того, чтобы...

Для чего? Вообще-то занятие критикой требует известной аскезы. Критик обязан быть независимым и одиноким. Забыть про славу, деньги и любовь. Иметь мужество всегда говорить свое мнение, какое угодно острое, но только свое! Но в последние восемь – десять лет в среде именно театральных критиков образовалась принципиально иная ситуация: многие из них сделались подозрительно единодушны. Они точно стояли на общей платформе, где высшей ценностью было следование в некоем (воображаемом)

Т. Москвина

фарватере условного «европейского» театра и явный разрыв с «традицией». Критики сгруппировались и поделили огромный мир театральной России на «движуху» и «отстой». В театры, где, по их понятиям, царил «отстой», они не ходили вообще, о чем сами заявляли публично (главный редактор журнала «Театр» призналась, что не была в сорока московских театрах вообще никогда). Поскольку СМИ публиковали преимущественно их мнение и именно они заседали в экспертном совете «Золотой маски», театры быстро почувствовали руководящую и направляющую тенденцию.

Многие театральные деятели живо поняли: чтобы о тебе написали, чтобы тебя выдвинули на премию, надо подавать выпуклые «знаки согласия». Ставить «новую драму», приглашать режиссеров «из списка». Тогда в твоём театре появится не один – а группа

критиков. С одобрительными хитрыми улыбками на лицах. Радикальный переворот: не критик зависит от театра, а театр зависит от критика! Точнее, от нескольких критиков... Но если мы имеем сговор и групповщину, если одни явления мощно поддерживаются, а другие топят в забвении, то какая же это критика? Это уже не критика, а... мафия. Тем более обнаружили вещи, немыслимые раньше: критики состоят на службе в том или ином театре, ведут там «спецпрограммы» – и при этом они изображают независимых экспертов и воспевают театры, в которых служат. Я не думаю, что эстетические взгляды многих критиков – только видимость, прикрытие обыкновенной борьбы за власть и деньги, все, конечно, сложнее. Но очевидно, что общероссийские коррупционные процессы не обошли стороной культуру.

А как иначе понять дружный вопль возмущения тем, что в новый состав экспертного совета «Золотой маски» вошли вполне почтенные люди, доктора искусствоведения, театроведы с многолетними публикациями о театре, с книгами? Правда, не входящие в «группу», как, например, театральные обозреватели «Новой газеты» М. Токарева. Больше никаких изъятий, кроме как неучастие в «мафии», у Токаревой нет. Но группа критиков почувствовала вкус власти, и как акулы, вкусившие каплю крови, не могут остановиться и сдержать аппетит, так и наша стая продолжает негодовать и бушевать, хотя уже показался хвостик поезда, увозящий их недолгое господство. Театр делается не критиками. Театр делается не для критиков. Критики обязаны знать свое место. Критика – хорошая интеллектуальная работа, она нужна и театру, и обществу, увлекательно написанная статья о театре хоть немножко, да украшает ноосферу. Но место критика в театральном процессе второстепенно.

Не может ни отдельный критик, ни группа критиков снимать и назначать художественных руководителей, указывать театру, как и куда ему развиваться (разве в виде доброго совета), намеренно топить тот или иной театр в забвении. Это приметы не критики, а

спецорганизации, жаждущей власти, на которую она не имеет ни малейшего права.

Так для чего «критики» собираются объединяться в Ассоциацию? Чтобы, имея много досуга, которого вовсе нет у активных профессионалов театра, сутками беснуясь в соцсетях, продавливать какие-то свои галлюцинации как эстетические законы? Травить несогласных, договариваться, «кому быть живым и хвалимым, кто должен быть мертв и хулим»? Чтобы мнимой деятельностью заслонить от себя тот ужасный факт, что никому настоящему не нужно их мнение, что их терпят то по необходимости, то по тщеславию, неизбежному у деятелей театра? «Эти негодяи, однако, раздают премии» (Вас. Розанов). Но и все эти премии – пустые черепки, пена дней, гримасы времени.

У актера Игоря Миркурбанова, к примеру, есть «Золотая маска», а у Олега Меньшикова ее нет. Это о чем-то говорит? Это отменяет тот факт, что лучше Меньшикова мало найдешь актеров не то что в России – в мире! Недавно я разговаривала с молодой актрисой, приехавшей в Москву с Сахалина. Она увидела спектакли «Мастерской Петра Фоменко» и испытала удар молнии. Она решила, что или она будет участницей именно в таком театре, или бросит театр вовсе. Сила любви к фоменковскому театру определила жизнь актрисы, теперь она замечательно играет в Студии театрального искусства Женовача. Театр делается ВОТ ТАК. Театр делается ЭТИМ – страстью, радостью, восторгом, силой и глубиной впечатления.

Татьяна МОСКВИНА

* <http://argumenti.ru/culture/n511/421288>

ЧТО СКАЗАЛА МАРГАРИТА, ПРОЛЕТАЯ НА МЕТЛЕ*

Спасибо вам, коллеги, противники реформы «Золотой маски», написавшие председателю СТД Калягину письмо о защите от Министерства культуры. Кто-то называет это выдающейся акцией гражданского неповиновения, кто-то партийным сговором, кто-то – борьбой за влияние. Среди подписавших – люди уважаемые и люди антисанитарные, нежные

М. Токарева

стилисты и свирепые нонконформисты, те, кто сбивает в стаю, и те, кого сбивают, лгущие расчетливо, как кинокритик Алена Солнцева, или искажающие истину под присмотром старших товарищей, как музыкальный критик Юлия Бедерова. По глупости или невеждению – все вместе вы еще раз продемонстрировали настоящую цену коллективизму.

Нет, не удаления Кокшеневой требует эта критическая общественность, а роспуска всего совета: «На "Золотую маску" давит Министерство культуры, и именно с этим связана череда скандалов, потрясших ее...» Надо «сформировать новый, не вызывающий сомнений в идеологической тенденциозности и предвзятости».

То есть вы, вчера наводящие мосты с Владиславом Сурковым, вы, сегодня получающие зарплату в театрах, чьи лидеры – любимые актеры президента со всеми вытекающими, вы, борцы с властью, припадающие к коленям того, кто только что, как большой артист, припал к коленям этой самой власти, – подозреваете меня, Ольгу Егосину, весь новый экспертный совет в корысти сотрудничества с властью?! В «Борисе Годунове» Някрошюса, только что показанном Москве, народ ползет к государю в

колодках: что ж, чувство театрального у режиссеров много острее, чем у критиков.

Вам не удастся навязать нам эти роли. Критик – есть текст, наши тексты в открытом доступе.

Спасибо и вам, местные иконы стиля, Кирилл Серебренников и Константин Богомолов: ничто так не лишает иллюзий, как ваше самообнаружение на Facebook. И все же надеюсь: вы способны поставить спектакли, которые понравятся всем отборщикам, кроме тех, кто заранее решил, что все с вами ясно.

Спасибо за то, что в густо заваренной при вашем участии каше из либералов, патриотов, интересантов и идеалистов, вскипела вся гниль нашей театральной державы.

Спасибо, Мария Евсеевна Ревякина, исполнительный директор фестиваля (по совместительству директор Театра Наций), что вопреки всем лайкам в поддержку противников реформы вам достало сил на грозный окрик: «Прекратите – спонсоры уйдут!» Что приостановило троллинг-проект по провалу будущей «Золотой маски».

Марина ТОКАРЕВА

* <http://www.novayagazeta.ru/columns/70469.html>

ВОЙНА БЕЗ ПРАВИЛ...*

После объявления нового состава Экспертного совета двое режиссеров немедленно заявили (правда, никаких официальных шагов не предпринимая), что их не устраивает персональный состав экспертов. А параллельно один из новых экспертов «ЗМ» в газетном интервью открытым текстом заявил, что Кириллу Серебренникову «хватит давать "Маски"», публично продемонстрировав немислимую для эксперта предвзятость.

В результате теги Серебренников-Богомолов-Кокшенева запестрели при упоминаниях «Золотой маски» в СМИ. К режиссерам обратился Александр Калягин, объясняя, что критиков, увы, нельзя подбирать по собственному вкусу и заказывать, как десерт в ресторане. Новый же Экспертный совет запросил у своего члена Капитолины Кокшеневой объяснений по поводу некорректного интервью.

О. Егошина

А конфликт выплеснулся на медиапростор, и в него стали подбрасывать дрова с разных сторон. Запахло скандалом. И – пошла писать губерния. Все споры вокруг «Маски» немедленно из плоскости эстетики перешли в плоскость идеологии. А если точнее, столкновение позиций превратилось в войну без правил. Затеявших скандал Богомолова и Серебренникова публично обвинили в «растлении детей и театрального процесса». А часть вошедших в Экспертный совет критиков обвинили в мракобесии, ангажированности и попросту в «прикормленности властью». <...>

Критик – это его статьи. Назвать «наимитами Министерства культуры» меня или коллегу из «Новой газеты» Марину Токареву можно только в расчете, что никто не сумеет зайти в Интернет и погуглить все столбов наших более чем нелицеприятных статей о Министерстве культуры в целом и его отдельных представителях (похоже, их набирается больше, чем у всех обвинителей суммарно).

Ненависть и страх – прекрасная почва для конспирологических теорий, порождения воображаемых монстров и неконтролируемых выплесков глупости и злобы. Появление столь диких подозрений и столь диких

обвинений, их распространение возможно только в густой атмосфере вражды.

В этом смысле происходящее вокруг «Золотой маски» – наглядная модель нашей реальности, где любое бытовое столкновение перерастает в глобальное противостояние и дает повод вцепиться друг другу в глотку. Раз в три года ротировать экспертов или через год? На 100 процентов или на 70? Выбирать экспертов из двухсот критиков страны или из нескольких десятков, как было до сих пор? <...>

И вот театральный мир разделился на «своих и врагов». И где уж тут цвести разным эстетическим предпочтениям. И к черту спор о прекрасном! Одни идут в Экспертный совет как в битву, чтобы бороться «за скрепы» от лица всех патриотов, другие идут бороться «за новое искусство» от лица всех либералов.

И то и другое смущает.

Мне до сих пор казалось и кажется, что любой критик ценен и важен прежде всего своей неповторимостью и отдельностью. Вступая в любую партию, занимая любую сторону, критик неизбежно превращается в клкера того или иного направления или имени...

А ведь как там у Бродского: «Моя песня была лишена мотива, зато ее хором не спеть» <...> Любая война оставляет после себя выжженное пространство. А поле битвы, как известно, достается мародерам.

Ольга ЕГОШИНА

* <http://www.teatral-online.ru/news/14528/>

НОВЫЙ «СОЮЗ МЕЧА И ОРАЛА», ИЛИ «РОССИЯ ВАС НЕ ЗАБУДЕТ»

В России появилась Ассоциация театральных критиков. Появилась спонтанно – так примерно в далеком 1917-м рождались боевые отряды солдат и матросов, хотя казалось бы нынешняя ситуация – если судить по социальным опросам – далека от революционной. В день объявления о создании («свистать всех наверх!») в нее сразу же записалось 105 человек, спустя почти неделю к этим застрельщикам добавились еще десять. Значит, не так уж далеки они были от прочего театрально-критического народа.

Я в нее не вошел. Мне, правда, и не предлагали. Но если бы и предложили – не вошел. Меня утешает, что нет в ней еще десятка известных имен, которых, как и себя (прости, Господи!), я не отнес бы к последним или даже предпоследним театральным критикам, все – имена известные: Марина Токарева, Марина Тимашева, Ольга Галахова, Ольга Егошина... Я насчитал около 20 мне известных имен, столичных и провинциальных критиков, регулярно пишущих о театре, которых в списках нет. Думается, не случайно. Вместе с тем, в уже опубликованных списках едва ли не половина, во всяком случае, больше трети для меня, регулярно читающего статьи о театре самых разных критиков, приятных мне и неприятных, – люди неизвестные, имена их я увидел впервые в числе членов Ассоциации театральных критиков. И это тоже вряд ли случайно.

Есть такое понятие – презумпция невиновности, по аналогии я когда-то сформулировал свое – презумпция ума, предполагающее, что другие люди изначально умны. Исходя из этого, всякая организация – можно предположить – создается не просто так. Люди объединяются, когда окончательно понимают, что в рамках уже существующих структур они не смогут решить свои накопившиеся проблемы. Какие организации до сих пор могли предложить в этом смысле свои «услуги» театральным критикам? Союз театральных деятелей, например. Или – Союз писателей, один из них – из, кажется, пятнадцати.

А какие у критиков в принципе могут быть проблемы?

О, они есть! И немало.

Первая не так давно была обнародована одним нашим коллегой (он в списках не значится), когда он получал из рук президента какую-то высокую награду. Он тогда успел сказать, что театральных критиков до сих пор нет в существующем реестре профессий. То есть официально никаких театральных критиков в России нет, и первое, ради чего имеет смысл объединяться, – это борьба за признание нашего трудного дела, хотя я согласен с коллегой, Мариной Тимашевой, которая не так давно заметила, что

шахтерский труд – все-таки тяжелее работы эксперта фестиваля «Золотая маска».

В последние годы территория, на которой критики могли бы высказываться, стремительно сужается, как та самая шагреновая кожа, хотя вряд ли можно сказать, что критики направо и налево разбрасываются своими непомерными желаниями (шагреновая кожа, кто помнит, зависла и стремительно сокращалась из-за разнообразных желаний ее владельца). Писать, грубо говоря, почти уже некуда, а профессиональные издания, последние из оставшихся, с грустью констатируют, что авторов на серьезные статьи приходится искать днем с огнем. Вот вам, пожалуйста, и третья – профессиональная – проблема. Но Ассоциация возникает на гребне совсем другой волны.

В предисловии к интервью с Мариной Давыдовой, одним из членов инициативной группы по созданию этой самой ассоциации, в газете «Известия» можно прочесть, что «организация призвана объединить театральное сообщество, для того чтобы отстаивать свободу творчества». Хотя, например, свобода творчества в России, как известно, гарантирована Конституцией, да и не доводилось до сих пор сталкиваться с тем, чтобы кто-то из критиков публично пожаловался на то, что ему в той или

Г. Заславский

другой газете, в том или другом журнале запрещают, к примеру, хвалить очередную премьеру Константина Богомолова или – намеренно возьмем сюжет политический! – «Болотное дело» Театра.doc. Или, наоборот, требуют то или другое изругать. Это – про свободу творчества. Места для того, чтобы воспользоваться этой свободой, немного и с каждым днем все меньше и меньше, о чем уже сказано выше, но сейчас, судя по словам инициаторов, – совсем не об этом речь.

В самом интервью М. Давыдова откровеннее: «Чиновники диктуют нам свои законы, навязывают свои представления о прекрасном. Мы объединились, чтобы этому противостоять». Откровеннее, но не конкретнее. Потому что сразу хочется сказать: вот конкретный пример, – история с «Тангейзером» в Новосибирском театре оперы и балета. Спектакль снимают, критикам никто не мешает высказать свое отношение сначала – к спектаклю, потом – к тому, что от режиссера требуют внести поправки, а потом – и к тому, что спектакль, к сожалению, сходит со сцены. Но критикам явно хочется большего: не рецензировать театральный процесс, а как минимум – координировать, а лучше – рулить. Но это – не совсем театральная критика и к свободе творчества это никакого отношения не имеет. Тут сошлюсь на слова обозревателя «Новой газеты» Марины Токаревой, попавшей под арт-обстрел театральных критиков, как раз тех, кто вошел в Ассоциацию как будто бы ради того, чтобы отстаивать свободу творчества: «Я приветствую создающуюся ассоциацию критиков, но, во-первых, считаю, что для независимости критику не нужно ничего, кроме одинокой решимости, во-вторых, больше не верю в акции цеховой солидарности». Она же в финале справедливо задает «цеховикам» вопрос: «Прежде чем декларировать независимость новой критической ассоциации, может, стоит отказаться от статуса госчиновников, арт-директоров, таких или иных государственных соержанок?»

Или вот читаем: «Одна из задач Ассоциации – создание платформы для диалога со всеми участниками театрального процесса». Что это может значить? Критик научит

режиссера правильно воспринимать критику? Невозможно, во всяком случае пока ни у кого не получалось. Зато критик может «научить» режиссера «правильно ставить», чтобы спектакль угодил в фестивальный формат. Но это уже не диалог, тут права Давыдова: «Диалог подразумевает разговор двух сторон, если одна сторона хочет говорить, а другая диктовать условия, это уже не диалог». Разница, вероятно, в том, кто диктует. Люди, привыкшие диктовать, с трудом расстаются с этой привычкой, с этим прошлым трудно расстаться смеясь.

О принципиальности нового сообщества, мне кажется, уже можно судить не по словам, а по делам. Театральные критики (кстати, далеко не все) восстали против утвержденного на очередном секретариате Союза театральных деятелей нового состава экспертного совета фестиваля «Золотая маска». В частности, из-за того, что в этом году, по мнению возмущенных критиков, экспертный совет как-то не так собирался, а чуть ли не главное, что вызывает протест, – что включили в него одного совсем уж плохого человека. И двое – вероятно, особенно демократично и либерально мыслящие дамы – в знак протеста вышли из экспертов.

Прошла неделя, вместо тех двоих в экспертный совет ввели двоих других, а та, которая всех прогрессивно и либерально мыслящих не устраивала, так и осталась на своем месте. И – ничего. Впереди – обычная рутинная работа по выбору лучших спектаклей, актеров, режиссеров... Из-за чего же ругались?

Или вот еще: критики восстают против страшного предложения менять экспертов каждый год, чтобы одни и те же не могли сидеть на одном месте по два, а то и по три-четыре года подряд, перетекая, как в сообщающихся сосудах, из экспертного совета в жюри и обратно. И вот, кричат во весь голос, что нет у нас такого количества хороших и независимых критиков. И тут же объединяются в ассоциацию, куда сразу же записывается 115 человек. Ну, тут и дураку станет понятно: или требование правильное и критиков у нас в стране еще хватает, во всяком случае – для регулярной ротации в экспертном совете «Золотой маски», или в эту новоиспеченную Ассоциацию скопом

вписали и хороших, и плохих, и зависимых, и независимых. Все просто, надо только захотеть разобраться.

Вообще, поскольку совершенно очевидно, что протестная волна поднялась как раз из-за вполне совместного желания Союза театральных деятелей и Министерства культуры России, то есть двух организаторов «Золотой маски», разобраться в бесконечных и почти повторяющихся из года в год вопросах и претензиях, очень кстати подоспела очередная пресс-конференция с традиционным объявлением номинантов национальной премии. Многие успели уж порадоваться: как же хорошо потрудились эксперты, как взвешенно выбрали – и тех, и других, и традиционалистов, и новаторов, никого не обидели. Но достаточно углубиться в список, чтобы понять, что не все так гладко в этом желании угодить и тем, и другим, хотя, честно говоря, я такого желания не увидел. Да и не должны эксперты стараться понравиться всем. Задача другая – выбрать лучших, а они могут быть и по ту, и по другую сторону воображаемого «театрального центра».

В номинации «Лучшая работа режиссера в драматическом театре» – 24 номинанта, правда, Юрий Бутусов состязается не только со всеми другими, но и с самим собою как режиссер сразу двух выдвинутых в этом сезоне спектаклей, один из которых он поставил в Театре имени Ленсовета, которым руководит в Петербурге, другой – «Бег» в московском Академическом театре имени Евг. Вахтангова. Как выбирать жюри из 24-х? Возможно ли вообще такое? И не свидетельствует ли такое столпотворение режиссеров о небывалом расцвете театра в России? Но где и кто успел объявить и обрадоваться такому расцвету?

Как всегда, или – выражусь корректнее – как не в первый уж раз, сомнения вызывает номинация «Эксперимент», в которой в этом году выдвинут среди других проект «Прикасаемые», созданный в сотрудничестве Театром наций и Фондом поддержки слепоглухих. Появление таких социальных проектов можно только приветствовать, но можно ли сказать, что каждый год такие проекты продолжают оставаться экспериментальными? И вообще – в какой

мере социальные проекты следует оценивать наравне с профессиональными театральными работами? Во всяком случае почти все мною виденные такие спектакли всегда неминуемо воспринимались в контексте благих намерений авторов и исполнителей, а это все-таки – не то, что следует рассматривать в спорте высших достижений, то есть, прошу прощения, – в рамках национальной и профессиональной премии. Ведь организаторы неизменно подчеркивают – и правильно делают, что подчеркивают, – что «Золотая маска» – это премия, которой профессионалы награждают профессионалов.

Вопросы вызывает и деление спектаклей на большую и малую форму, довольно причудливое. Скажем, спектакль Минусинского театра «Колыбельная для Софы» проходит по разряду большеформатных, а «Самоубийца» Сергея Женовача – это почему-то малая форма. Хотя по меркам Студии театрального искусства играют его в их большом зале. Там, правда, всего 234 места, но и в Минусинске немногим больше – 309 мест.

Наверное, так удобно, ведь и без «Самоубийцы» Женовача за большую форму сражаться будут 15 спектаклей со всей России. То есть обнародованный список номинантов, на мой взгляд, как раз и убеждает в том, что премии «Золотая маска» очень нужны реформы она очень нужна и поэтому должна обязательно сохраниться, но реформы, тем не менее необходимы. И возмущения критиков тут неуместны, куда уместнее поставить вопрос о профессионализме таких экспертов, которые в номинации «Лучшая мужская роль» могут поставить в один ряд работу Олега Табакова в спектакле «Юбилей ювелира» и участие в спектакле «Гоголь-центра» «Обыкновенная история» Алексея Аграновича, который для режиссера спектакля Кирилла Серебренникова ценен был, думается, как персонаж в чистом виде, в том числе и как известный в своей области продюсер, режиссер разнообразных пышных церемоний и торжеств.

Читая все, что уже написано членами инициативной группы о своей Ассоциации, больше всего вспоминается речь Остапа Бендера, создавшего обывателей провинциального

городка с очевидной целью – собрать «членские взносы». Но для начала надо же что-то сказать. И Бендер говорит, говорит красиво, позволю себе напомнить его прекрасную речь: «Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания – она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы ее протянем. Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят в своих постелях и укрываются теплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем». Детей вычеркиваем, вписываем театральные критиков, которые, как только что выяснилось, тоже оказались без призора. И вот, нашлись добрые люди, готовые им помочь.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

СКАНДАЛ?.. СКАНДАЛ!

Не знаю, то ли смеяться, то ли плакать?! Мне и в голову не приходило, что за два дня в России можно запросто найти сто с лишним театральные критиков, желающих вступить в нарождающуюся Ассоциацию. Объявлено, что количество их в ближайшее время дойдет до двухсот. Узнаю энергию и деловитость инициатора начинания – Марины Давыдовой. А я-то думала, что профессия критика редкая, «штучная»; что для овладения ею мало окончить специальный вуз, ежедневно или время от времени появляться на страницах прессы – немногих и уменьшающихся в числе специальных журналов, более или менее влиятельных газет, в которых вдруг начали исчезать – «отменяться» – отделы культуры; или, не боясь опротиветь друг-другу и читателям, изо дня в день, – возникать в интернете, что является приметой, плюсом и минусом нынешнего времени.

Ничего против Ассоциации не имею. Хочется соединиться – Бог им в помощь. Вот только очень уж их много, и при этом столько неизвестных имен. И так скоро все сорганизовалось. А сейчас наступила пауза. Ну что же?.. Сидим и ожидаем еще сто обещанных персон.

В театральном деле секретов не бывает. У всех и всюду друзья и знакомые. Кто-то просит совета. Кто-то возмущается. Кто-то просто доверчиво рассказывает, как было дело.

Одних – особо желанных – приглашали живым телефонным обзвоном. Других – через электронную почту. Третьих – телефонными «эсэмэсками» в дальние провинциальные города.

Случались и такие переговоры между столицей и дальними городами:

– У вас кто-нибудь о театре пишет?

– Да нет, кажется...

– Ну, хоть что-то?.. А может, говорят, обсуждают?..

– Эти, кажется есть...

– Очень хорошо, годится!

В интернете вдруг обнаружила маленькое фото очаровательной девочки-блондинки. Под ним подпись-просьба: «Ой, я тоже хочу вступить!»...

Публикуя коллективные письма с оповещением о будущей Ассоциации или с просьбой-требованием (похожим на ультиматум) о роспуске экспертного совета «Золотой маски» на 2017 год председателю СТД Александру Калягину, подписываются фамилиями по алфавиту. Пугают количеством. А в другой раз – перечисляют названия российских городов – Екатеринбург, Казань, Краснодар, Москва, Новосибирск, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Улан-Уде, Хабаровск, Челябинск, – дабы создалось впечатление всей страны, которая подымается за плечами Ассоциации («Вставай, страна огромная...»). Завидное самоуважение! Если все получится так, как желают инициаторы «проекта», то из всех уже существующих гильдий Союза театральные деятели – режиссерской, сценографов – эта новая будет самая влиятельная (быть может, в потаенных желаниях организаторов). Тогда

возникнет небывалое: театральные критики встанут надо всем! Судя по их нынешнему поведению в профессии, подобное вполне возможно. Старый («большевистский») лозунг, хоть и не озвучен, но слышится и подразумевается неизменно: «Кто не с нами, тот против нас!» Ну, не видишь ты в начитанном радикале, создателе забавных и злых капустников Богомолове лидера сегодняшней новой режиссуры, а в Серебренникове с его таинственным «Гоголь-центром» – театального режиссера вообще, значит, ты дурак (или дура), черносотенная сволочь и консерватор-реакционер. Кстати, при всей категорической неприязни к нынешним бюрократам, к власти, «Гоголь-центр» подарен Серебренникову именно крупным чиновником Сергеем Капковым, что явился в Москву аж с Чукотки и был назначен «на культуру»; карьеру начинал расклеиванием афишек на губернаторских выборах миллиардера Абрамовича, а года два назад исчез, растворился, сгинул по необнародованным причинам, то ли на время, то ли на всегда. А еще раньше смелым протестантом Серебренниковым в Театре под руководством Олега Табакова был поставлен спектакль «Околоноля» по роману Владислава Суркова, супервлиятельного помощника Президента. Убогий, скучный спектакль по бездарному, подражательному роману быстро выбыл из репертуара.

Оба – Серебренников и Богомоллов – недавно объявили о своем выходе из участников-претендентов на премию, но не в 2016-м, а в следующем – 2017-м, – в знак несогласия с составом нового экспертного совета. Долгонько ждаты! Тем более что официального письменного, – как положено, – заявления руководству «Золотой маски» пока не поступило. Все интернет да интернет! В порядке объяснения Серебренников, поблагодарив руководителя «Золотой Маски» – «большущее уважение Maria Reviakina» (так!), написал, что не хочет, чтобы его спектакли смотрели и оценивали люди, которые «написали на меня и театр, в котором я служу, множество подлых доносов и пасквилей». С ним солидарен Богомоллов в том что он еще не дошел до той степени

В. Максимова

падения, чтобы его спектакли «оценивала компания Кокшениевой – Егошиной – Токаревой», приглашенных ныне в экспертный совет премии. Странное соединение – двух едва ли не самых талантливых нынешних критиков, виноватых лишь в том, что они работы модного Серебренникова не принимают, и одиозной, с сомнительной репутацией Капитолины Кокшениевой – менеджера, а не театроведа по второму образованию, никогда театром особенно не занимавшейся, выступления которой в театральной среде неизменно вызывают скандал. Кстати, Токарева с Егошиной лишь после трудных и долгих уговоров согласились работать рядом с Кокшениевой. (Не читал, что ли, Серебрянников ни тех, ни другую?..) Примечательно, но когда в знак недоверия к процедуре отбора, из-за предвзятости, нечестности, субъективности наград от «Золотой маски» отказались несколько известных режиссеров и актеров, в их числе легендарная Галина Волчек, оскорбленная не за себя, а за свой «Современник», – никакой реакции не последовало. Была тишина.

Теперь же по поводу ухода Серебренникова и Богомолова. Среди критиков, а не режиссеров, не актеров-профессионалов разразился скандал, который не столько потрясает, сколько забавляет публику, озабоченную ныне куда более серьезными, глобальными, трагическими проблемами.

В итоге, Ассоциация сегодня должна родиться, организоваться потому, что Богомолов и Серебренников в 2017 году покинут «Золотую маску». (Не передумают ли? Времени-то впереди много!) Еще потому, что один из заместителей министра на одном из совещаний в ближней к Москве провинции в спектаклях радикальной режиссуры (в том числе и лауреатов «Золотой маски») обнаружил тенденцию к разрушению России и оплевыванию русского человека. Еще из-за запрещения оперы «Тангейзер» в Новосибирске, поставленной Т. Кулябиным и освобождения от должности директора оперного театра Б. Мездрича (из-за изображения Христа в борделе и на афише между ног дамы легкого поведения). И, наконец, потому необходим роспуск экспертного совета и учреждение Ассоциации, что в совет приглашена все та же Капитолина Кокшенева.

Причины выглядят мелковато, по-женски (или по-бабьи) несерьезно. Что и неудивительно. Подавляющее большинство изъявивших желание «вступить» – дамы. (По известным причинам, Роман Должанский, Глеб Ситковский, Павел Руднев в счет не идут.) Программа и устав, структура Ассоциации на настоящий момент не существуют. Как объявлено зачинателями, создаются спешно. Руководителя принципиально не будет. Зато уже есть некий возглавляющий совет. Там все те же имена и лица: Давыдова, Должанский, Ситковский, Руднев, Солнцева, еще и Шендерова, Груева, Степанова... Чтобы вступить в Ассоциацию нужно позвонить, или написать письмо и сказать о своем желании. Решать голосованием будут те, кто успел добежать первым. В высшей степени интересно, как это произойдет, если знаменитой, сверх популярной среди массы читателей и в профессиональной театральной среде

петербуржанке Татьяне Москвиной (например), с ее талантливыми книгами, статьями, газетой и популярными радиопередачами, вдруг придет фантазия «вступить», – она у Шендеровой, или Груевой, или матерного ругателя в интернете Должанского станет спрашивать и ждать их решения?

Старших в списках Ассоциации нет или почти нет. Разве что провозгласившая себя «миротворительницей», известная ленинградская скандалистка Марина Дмитриевская, глава «Петербургского журнала», в большинстве статей которого, публикуемых под разными именами, ощутим ее критический почерк; которая, якобы пребывая «над схваткой», учит коллег на какие фестивали им ездить, что одобрять, а что нет. Без нее на моей памяти не было ни одного скандала в северной нашей столице. Травля Товстоногова в последние, закатные его годы. Грязнейшее истолкование самоубийства актера у Додина, которое задолго до торжества нынешней желтой прессы было поставлено в вину выдающемуся режиссеру. И Александр Моисеевич Володин на том свете «порадуется», прознав, как с телеэкрана обошлась с ним его энергичная проповедница, подруга и устроительница фестиваля его имени. «Романтически и артистически» закутавшись в клетчатый плед, со стаканом чая в подстаканнике, при свете настольной лампы поведала «городу и миру», как очень некрасивый мужчина Володин, имевший очень некрасивую жену, был равнодушен к красивым женщинам, желал каждую из них (как тут не вспомнить провинциальное, вологодское прошлое нынешней петербуржанки!).

Из самых старших назван блистательный Вадим Моисеевич Гаевский. Ура! Такой восторг! Такое великолепное прикрытие и оправдание еще не родившейся Ассоциации! Лидер предстоящего сообщества – Давыдова – ликовует в интернете. Но одновременно знаменитого мэтра и подставляет. Если верить ей, то Гаевский компьютерным набором, а следовательно, и электронной информацией не пользуется, предпочитает старую пишущую машинку. Значит, об Ассоциации узнал по слухам.

И «самопредложился», возжелал. А серьезно ли это – вступать в организацию (партию), то бишь Ассоциацию ничего в точности о ней не зная? Милой Давыдовой доверяясь? Что ж, тоталитарная система уродовала не только людей официозного софроновско-суровского круга, она искажала и самых умных, одаренных.

А что, собственно, они будут делать? Борьбаться за свободу? А кто их сегодня так уж угнетает? Истории с Кулябиным, пожалуй, и маловато. Никогда не смотрю спектакли по пленкам, а тут от начала и до конца отсмотрела новосибирский скандальный «Тангейзер». Ничего, кроме рядового, на среднем музыкальном уровне представления, не увидела.

Чем так достало нынешних новых критиков православие? Увы, я – человек неверующий, но очень желавший бы верить. Однако кто сказал, что человеческая вера зависит от нынешних попов? Сегодня да и прежде тоже. Толстой как-то обходился без них. И Пушкин писал свою «Гавриладиу» (от которой время от времени отказывался). Если Бог есть, ему наплевать, что там внизу, на грешной и грязной земле о нем говорят. Не наплевать тем старухам и старикам, которые сохранили веру. Или в отчаянье, сегодняшней бедности и заброшенности за помощью и утешением к ней прибегают, на нее уповают. Оскорбительно верующим в Бога молодым, которых медленно и неуклонно, но становится все больше.

Для кого стараетесь, с пеной у рта защищая новосибирского режиссера с его богохульством? Кого так откровенно презираете? Сажать недавних Пусси Райт не стоило. Довольно было дать им как следует по шее или по заду. (Искусством театра или балагана в их хулиганстве возле храмового алтаря и не пахло.) Но где они теперь? Безголодые, петь они не могут. Попробовали сделать из них правозащитниц, но убрали с телеэкранов за косноязычие, неспособность внятно произвести даже чужие заученные тексты.

Кто же объединится в Ассоциацию? В Москве известно десять-двенадцать имен.

Талантливый, ныне действующий театровед старшего поколения (когда-то очень давно напугавшая профессоров ГИТИСа на

вступительном экзамене великолепным рефератом и тем, что знала все, чему они собирались ее учить) сказала о них: «Когда их читаешь, кажется, что один единственный критик пишет про один единственный спектакль».

Необходимо терпение, чтобы ждать, когда критиком тебя назовут не только друзья-товарищи (по дружбе и любви), но прежде всего люди театра – режиссеры, актеры, желательны и зрители, наиболее просвещенная их часть, а значит – немногие, ибо ходит ныне на спектакли менее двух процентов российского населения. В цветущие, «высоко подъемные» театральные годы зрителей было куда больше. А вот благости и ангельской дружбы-любви между критиками и людьми театра не было никогда. Это органически связанные, хоть и противостоящие профессии. Были ссоры, столкновения, в том числе и довольно резкие, даже грубые. Помню о робкой попытке Аркадия Николаевича Анастасьева, Юрия Сергеевича Рыбакова и меня, «младшенькой», сообщить на обсуждении, что «Тихий Дон» БДТ нам не очень понравился, потому что Григорию Мелехову – его играл гениальный Олег Борисов – как бы подсказывали выход из трагедии к спасению, то бишь из Белой Армии в Красную. Тогда-то от дальней стены переполненного зала на последнем этаже сгоревшего и ныне перестроенного под магазины Дома Актера (на углу улицы Горького и площади Пушкина) раздался гневный, рокошующий бархатный голос Георгия Александровича Товстоногова: «Я не обязан слышать дурь критиков!» Реплика, сокращаясь до единственного слова: «Дурь!», была повторена несколько раз, прерывая наши запинающиеся выступления. Рыбаков, замечательный редактор журнала «Театр» в самую лучшую, «золотую» пору, и Анастасьев, с которым Товстоногов дружил, вечером напились, я от унижения – проплакала ночь напролет. Но какое-то время прошло и взаимная любовь с великим режиссером-диктатором, взаимное уважение восстановились. Через неделю или через месяц Георгий Александрович позвонил, позвал приехать в Ленинград, что-то

посмотреть, обсудить во время предстоящих гастролей.

Сегодня своих апологетов, пропагандистов, воспевателей не слишком ценит даже их главный подопечный – режиссер Богомолов, не раз писавший и говоривший в интервью об удручающем интеллектуальном уровне тех, кто пишет о сегодняшнем театре.

Как будет работать Ассоциация – такое критическое множество – при наших-то расстояниях? Летать, ночевать в гостиницах? Собираться в арендованном просторном помещении? Смотреть столичные спектакли, на лучшие из которых билеты очень дороги? Кто будет платить за все это? Господин Прохоров через сестру-посредницу? Или новый меценат – господин Ходорковский, в лондонский клуб которого – «Открытая Россия» – (как сообщил интернет) к восторгу московских соратников, Марина Давыдова была приглашена? Какая уж тут несвобода? Какая цензура? После скандальных номеров ее журнала «Театр» – украинского и о геях – бери или получай присланный по электронке билет бизнес-класса и поезжай куда глаза глядят! Кто мешает высказываниям нынешних протестантов? (С ними спорят, не соглашаются, ругаются... Или и это, по их мнению, нежелательно?)

Бедные, не знали они, что такое цензура! Крестом перечеркнутое служебное удостоверение и – вон из газеты, журнала, института на улицу! Недопущение к профессии на всю последующую жизнь! А оставалось до «перестройки» добрых двадцать пять лет. И сколько талантливых, великолепных, честных погибло, спилось, зачахло, умерло в работе не по призванию, а по необходимости! Сидели лифтерами, истопниками, гардеробщиками... Презирали лгущих и приспособленцев. Изобретали приемы борьбы. Написать статью на творения Софронова, Сурова, Вирты – подобную тем, что сегодня, во вполне безопасное время, восхваляли сочинение таинственно влиятельного, высокопоставленного г. Суркова, воплощенное «революционером-оппозиционером» г. Серебренниковым, – значило навсегда потерять репутацию. Стыд, совесть, профессиональная

этика, искренность и честность тогда не были только словами.

Среди будущих «ассоциаторов» есть люди с именами, есть – в большинстве – совершенно безвестные, которые желают «приобщиться». Есть фигуры, вызывающие недоумение. Почему, например, главный и неустанный отборщик, летающий по необъятным российским просторам, разговаривающий с театрами тоном усталого ментора, куратор многих фестивалей Лаевский – критик? Или Тихоновец, которая обсуждает спектакли на уровне учительницы младших классов? В журнале «Вопросы театра» мы переписывали ее втроем, но так и не поняли, что же такое нынешний Хабаровский ТЮЗ.

Марина Токарева сказала категорически точно: «Критик – это текст».

Я бы предложила такую квалификацию «ассоциативного» множества. Человек 12 – максимум 15 критиков-газетчиков из Москвы и Петербурга. Театроведы – лишь Давыдова и Дмитревская (о великолепном Гаевском нечего говорить!) – в абсолютном меньшинстве. О театроведении нынешняя критика, похоже, забыла. У обеих дам, в отличие от других, есть не только книги, но и театроведческий уровень мышления. Тогда как у коллег, уже пятидесятилетних, не имеется не только книг, но и серьезных статей. Все маленькие, двухстраничные, похожие друг на друга и по оценкам, и по словам.

Далее – и в куда в большем числе – журналисты-газетчики, репортеры, интервьюеры, информаторы и пиарщики, по тем или иным причинам пожелавшие заняться театром. Подавляющее большинство – пока еще безымянное – встанет за спинами известных, в оценках будет присоединяться к ним, состоять в «множестве», в «коллективе», тем самым у себя дома в провинции, на местах, увеличивая свой вес и значение. Общаться, наверное, чаще всего (если Ассоциация не разбогатеет) будут по скайпу и мобильным телефонам. Так что решать станут все те же – московские, куда реже – петербургские критики, которых и театр, и коллеги отлично знают.

У Марины Давыдовой, единственной из всех, есть книга-бестселлер статей и очерков

о современном театре – «Конец театральной эпохи». Со множеством смысловых неточностей, фактических ошибок, однако талантливая, яркая и полезная. Но вот что написала в позитивном, даже восторженном послесловии к ней Инна Натановна Соловьева, учитель и профессиональный воспитатель Давыдовой: «Если Давыдова мажет, то более всего там, где ей нечто представляется – с чужих слов – само собой разумеющимся. Мажет, наспех соотнося то, что нынче перед ней, то, в чем она участник, – с тем, что было до нее, “до ее времени”. Русская грамматика не знает “*rasse immediat*”, времени только что прошедшего. Так вот насчет “*rasse immediat*”: Давыдова не умеет подкармливать свой ум пищей из чужих рук. Она обречена терять свои самые сильные и вроде бы неотъемлемые свойства, если вступает на почву, о которой у нее представления не свои, а понаслышке. Времени, при ней же отошедшего в “*rasse immediat*”, она не знает. А от других слышала пошлости о нем... Войди она сама, как историк, в пору гражданского и эстетического порубежья, не осталась бы при банальностях, в которых нет правды... Не писала бы про линию баррикад, разделяющую общество... О, Господи! Ну какие там баррикады – мягкий распад, старческое бессилье. Слабое взаиморастворение режима дефис общества... Ну какие мечты насчет справедливости...».

И еще хочется напомнить о том, что некогда сказал на Всероссийском режиссерском форуме Петр Наумович Фоменко.

«Хотелось бы не забывать наши главные до недавнего времени слова – работа, жизнь, вера, божий дар... Островский не боялся слова – “товарищи”. Если мы потеряем то, что было, значит нам делать больше нечего.

Театр не способен что-либо переделать в мире, но имеет очень сильное влияние...

Превысить “лимит” ошибок опасно.

Проект – противное слово, когда говорят о спектакле. Это значит, все наперед знать. Спектакль – это не проект. “Кастинги”!..

“Проекты”!.. Диффузия языков. А нам бы подумать о том, как сохранить связь с корнями русского театра.

Я ни в чью веру не вмешиваюсь... Но хорошо бы создать какой-то близкий круг возле себя...

Горькое счастье – научиться учить, а не руководить... Жизнь покажет, кто чей ученик, кто чей учитель...

Ученики предадут или не предадут.

М.А. Чехов уехал, его предали, это – трагедия. Великим педагогом он стал не в Англии и Америке, а раньше, дома, в России. В эмиграцию повез свои педагогические “наработки” и открытия. Но учил за рубежом, главным образом, “богатых старух”.

Если мы потеряем то, что было, значит нам делать больше нечего.

Не надо тащить нас вперед. Это ведь означает быть ближе к смерти. Хорошо бы пятиться спиной, глядеть себе под ноги, помнить о корнях.

Зависти нет. Есть тревога.

Сегодня – меру жизни определяет успех. Все мы говорим о деньгах. Потом себе дорожке станет.»

Вера МАКСИМОВА

Разговор об Ассоциации критиков и «Золотой маске» будет продолжен в следующем номере «Вопросов театра».